

На сцене неистово кричит и бьется полураздетый человек.

От пояса до плеч он обмотан цепями. Ощущение страшное.

Сцена наклонена под углом к полу, и цепи, которые держат четыре человека, не только сковывают пленника, но и не дают ему упасть. Это шестьдесят седьмой год. Я приехала в Москву на фестиваль, и меня пригласили посмотреть репетицию «Пугачева», пообещав, что я увижу одного из самых удивительных исполнителей — некоего Владимира Высоцкого. Как и весь зал, я потрясена силой, отчаянием, необыкновенным голосом актера. Он играет так, что остальные действующие лица постепенно растворяются в тени. Все, кто был в зале, аплодируют стоя.

На выходе один из моих друзей приглашает меня поужинать с актерами, исполнявшими главные роли в спектакле.

Мы встречаемся в ресторане ВТО — шумном, но симпатичном.

Там хорошо кормят и закрывают гораздо позже, чем в других местах. Мы предъявляем пропуски, и наша небольшая компания устраивается за столиком. Наш приход вызывает оживленное любопытство присутствующих. В СССР я пользуюсь совершенно неожиданной для меня известностью.

Все мне рады, несут мне цветы, коньяк, фрукты, меня целуют и обнимают... И вот уже стол уставлен бутылками, официанты приносят закуски. Мы принимаемся за еду. Я жду того замечательного артиста, мне хочется его поздравить, но говорят, что у него чудной характер и поэтому он может и совсем не прийти. Я расстроена, но у моих собеседников столько вопросов! Они знают, что я много снималась, хотя видели всего два или три моих фильма. И по-русски — а я в последний раз говорила по-русски шестилетней девочкой — я пускаюсь в повествование о моей артистической карьере.

Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий, плохо одетый молодой человек. Я мельком смотрю на него, и только светло-серые глаза на миг привлекают мое внимание. Но возгласы в зале заставляют меня прервать рассказ, и я поворачиваюсь к нему. Он подходит, молча берет мою руку и долго не выпускает, потом целует ее, садится напротив и уже больше не сводит с меня глаз. Его молчание не стесняет меня, мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы. Я знаю, что это — ты. Ты совершенно не похож на режущего великана из спектакля, но в твоём взгляде чувствуется столько силы, что я заново переживаю все то, что испытала в театре. А вокруг уже возобновился разговор. Ты не ешь, не пьешь — ты смотришь на меня.

— Наконец-то я встретил вас.

Эти первые произнесенные тобой слова смущают меня, я отвечаю тебе дежурными комплиментами по поводу спектакля, но видно, что ты меня не слушаешь. Ты говоришь, что хотел бы уйти отсюда и петь для меня. Мы решаем провести остаток вечера у Макса Леона, корреспондента «Юманите». Он живет недалеко от центра. В машине мы продолжаем молча смотреть друг на друга. На твоём лице — то тень, то свет. Я вижу твои глаза — сияющие и нежные, коротко стриженный затылок, двухдневную щетину, ввалившиеся от усталости щеки. Ты некрасив, у тебя ничем не

примечательная внешность, но взгляд у тебя необыкновенный. Как только мы приезжаем к Максиму, ты берешь гитару. Меня поражает твой голос, твоя сила, твой крик. И еще то, что ты сидишь у моих ног и поешь для меня одной. Постепенно я начинаю постигать смысл, горький юмор и глубину твоих песен.

Ты объясняешь мне, что театр — твое ремесло, а поэзия — твоя страсть. И тут же, безо всякого перехода говоришь, что давно любишь меня.

Как и любой актрисе, мне приходилось слышать подобные неуместные признания. Но твоими словами я по-настоящему взволнована. Я соглашаюсь встретиться с тобой на следующий день вечером в баре гостиницы «Москва», в которой живут участники фестиваля.

В баре полно народу, меня окружили со всех сторон, но, как только ты появляешься, я бросаю своих знакомых и мы идем танцевать. На каблуках я гораздо выше тебя, ты встаешь на цыпочки и шепчешь мне на ухо безумные слова. Я смеюсь, а потом уже совсем серьезно говорю, что ты — необыкновенный человек и с тобой интересно общаться, но я приехала всего на несколько дней, у меня очень сложная жизнь, трое детей, работа, требующая полной отдачи, и Москва далеко от Парижа... Ты отвечаешь, что у тебя у самого — семья и дети, работа и слава, но все это не мешает мне стать твоей женой.

Ошарашенная таким нахальством, я соглашаюсь увидеться с тобой завтра.

Я захожу за тобой в театр к концу репетиции. Утром мне позвонил Сергей Юткевич и предложил сыграть роль Лики Мизиновой — молодой женщины, в которую был влюблен Чехов. Меня одолевают сомнения — все-таки съемки рассчитаны почти что на год. Ты же буквально прыгаешь от восторга, ты кричишь и лихорадочно умоляешь меня соглашаться.

Я твержу, что все это очень сложно, но ты упорствуешь: надо соглашаться, у нас будет время видеться и главное — ты сможешь уговорить меня выйти за тебя замуж. Тон почти шуточный, но я чувствую столько нежности в этих словах, что твое воодушевление передается и мне, и мы представляем, как все будет: я привезу своих еще маленьких детей и маму, которая пятьдесят лет не была в России, мы станем друзьями, будем часто видеться, и ты будешь петь мне свои новые песни.

Нам обоим нет тридцати, я разведена, ты — разводишься, впереди — целая жизнь. Я осторожно замечаю: все это хорошо, но я-то в тебя не влюблена! «Неважно, — говоришь ты, — я сумею тебе понравиться, вот увидишь». Это веселое и легкое общение продлилось несколько дней, и вот фестиваль заканчивается, я уезжаю из Москвы, подписав контракт, и приеду на съемки в начале шестидесяти восьмого.